

Глава 1: Репарации

Часть 1

Хотя до утра было еще далеко, улицы Таурии уже заполняла беспорядочная толпа людей.

Шумный гул залил площади, закоулки и все вокруг.

К тому же поднимался дым из одного угла города, здания которого были превращены в щебень и разбросаны по окрестностям. Однако это произошло не из-за нападения врага. Тот, кто приказал стрелять по ним из пушек, был никто иной, как Боуван Тедос, командующий всеми войсками в Таурии.

Естественно, незадолго до этого Боуван эвакуировал население. Хотели они того или нет, но стук в двери заставлял людей вставать с их постелей. Когда они закончили вынос домашнего имущества на улицу, не без помощи солдат, произошла организованная подготовка к стрельбе. Вскоре рев пушек и грохот взрывов вырвали всех в городе из сна.

– Опять война?

Собравшись на расстоянии вокруг поднимающегося пламени, люди мрачно переглянулись.

Война на западе не считалась редкостью. Сражения возникали каждый день в том или ином месте. Но по их лицам ясно читалось, что им это сильно надоело. Наступление армии Гарды, которое повергло весь регион в хаос, изменило настроение людей на западе до такой степени.

– Это остатки армии Гарды?

– Черик и раньше пытался сдерживать Таурию, и мог перебросить свои войска. Не так ли?

– Нет, - покачал головой человек, у которого имелся знакомый при дворе, и поэтому он был хорошо осведомлен. – Вы будете поражены, когда услышите. Говорят, наш противник - Мефиус.

– Ерунда!

Это звучало, как явное доказательством того, насколько сильно изменился Запад, ведь тут же раздался голос, опровергающий его. По сравнению с прошлым, анти-мефийским настроением жителей, текущие настроения в Таурии значительно изменились.

Жители Таурии вспомнили, как всего несколько месяцев назад наследный принц Мефиуса Гил махал им рукой, проезжая по улицам города вместе с их повелителем Аксом. Именно в то время две страны, которые считались давними врагами, почти чудесным образом оказались связаны дружбой. Однако:

– Принца Гила больше нет с нами.

Имперский принц Гил был предан своим вассалом, и его молодая жизнь прервалась. Люди Таурии, естественно, уже знали об этом. Несомненно, это произошло потому, что этот слуга не мог с радостью принять мирные переговоры с Таурией.

– Некоторые даже говорят, что приказ отдал сам Император.

– Но поскольку принц Гил умер... – пожилой мужчина встряхнул седой бородой.

- Тем не менее, с их стороны неправильно говорить, что нет необходимости выполнять обещание, данное Западу, не так ли!

- Эй, нет смысла злиться на меня.

- Что бы то ни было, будет неплохо, если всё это затянется на слишком долгое время. Иначе поля снаружи снова будут разрушены.

Когда ночь почти полностью отступила и утренний свет озарил людей, на лицах которых смешались гнев и уныние, вернулись солдаты, действовавшие в качестве передовых посыльных, принеся вести, от которых крики тут же разразились по всему городу.

- Они возвращаются с триумфом, они возвращаются с триумфом!

- Триумфальное возвращение!

В этот момент казалось, что мрачная атмосфера, которая установилась в городе, полностью рассеялась утренним солнцем.

Ворота тут же распахнули, и отряды Таурии во главе с Боуваном начали въезжать друг за другом. Послышалось упорядоченное эхо подков, стали видны взору бойкие фигуры солдат и дерзкая острота высоко поднятых копий.

Даже те, кто всего минуту назад переглядывались друг с другом с тревожным выражением на лицах, встречали солдат аплодисментами и радостными улыбками. Помимо всего прочего, они победили. Таурия защитила их жизни, их имущество и семьи.

Боуван махнул рукой в ответ на приветствие толпы. Хотя он был молод, он оставался главнокомандующим, который взял на себя всю ответственность за защиту Таурии, пока Акс отсутствовал. Он добился известности, защищая город вместе с принцессой Эсменой, когда Расван Базган поднял восстание.

Вместе с королем-героем Аксом, победившим Гарду, он считался гордостью народа Таурии. Боуван еще раз продемонстрировал свой редкий талант и защитил их от бедствий войны. Люди еще живо помнят чувство победы после поражения Гарды. Теперь, когда они попробовали его снова, даже при том, что не знали подробностей, хотя имя врага оставалось неясным, они на какое-то время оказались опьянены экстазом.

Но эмоции Боувана, когда он улыбался налево и направо, сидя на лошади, были совсем не беззаботными. Он чувствовал, что битва только началась, и это еще не конец. Кроме тех слухов, что, мол, врагом, напавшим на Таурию, являлась соседняя страна, Мефиус, они также получили информацию о том, что внушительные военные силы все еще остаются в приграничной крепости Апта.

Боуван уже разослал запросы о подкреплении по всему западу. Но если из-за этого количество их войск увеличится, а Мефиус все равно не откажется от вторжения, он опасался, что нынешняя ситуация может перерасти в тотальную войну.

Буйство Гарды и его порабощение истощили запад. Неужели у него осталось достаточно сил, чтобы одержать победу в столь масштабной борьбе?

И вдобавок ко всему...

Если Акс и Боуван считались героями, то был еще один, прославившийся в войне против Гарды. Но его фигуру не было видно в длинной очереди, следовавшей за ним.

На мгновение, когда Боуван Тедос задумался об этом герое, его улыбка приобрела мрачный оттенок.

- Положите его там.

- Эй, твой ребенок ведь скоро родится, верно? Что будет, если его отца не окажется рядом!

С одной стороны, солдаты Боувана маршировали грандиозным парадом по главным проспектам.

В то же время в закоулках Таурии солдаты, которые оказались слишком ранены, чтобы идти пешком, перевозились на телегах и носилках, а их друзья подбадривали их.

Среди них имелись те, кто получил пулю в живот, те, у кого была отрезана рука или нога, те, кому сломали кости, будучи растоптанным драконом... были и такие, что оказались до такой степени тяжело ранены, что было трудно найти хотя бы одну часть их тела целой и невредимой. Один из них, чье лицо было залито струями собственной почерневшей крови, умер.

А также:

- Орба!

Фехтовальщик, которого так звали, лежал в одной из повозок. Несомненно, это был Орба, мечник в маске, победивший Гарду, но теперь по маске, похожей на его символ, пробежало несколько трещин, и почти половина ее левой стороны оказалась оторвана. Тем не менее, цвета его голой кожи не было видно. Она полностью скрылась под растекающейся вязкой кровью.

- Орба... Орба... Держись. Ты же здесь не умрешь, верно?

Шике и Гиллиам мчались по задним переулкам, по обе стороны от телеги, в которой он лежал. Некоторое время Шике неоднократно тянулся к нему, словно пытаясь разбудить.

Гиллиам уже несколько раз останавливал его со словами: «Лучше пока его не трогать», и каждый раз Шике подчинялся, чтобы повторить то же самое через несколько секунд.

В этот момент Орбу охватил приступ сильного кашля. Пенистая кровь, которая затвердевала вокруг его рта, словно томатная паста, была стряхнута.

- Орба! - Шике продолжал звать его по имени.

Ответа не последовало. Хотя он и дышал, но все же почти потерял сознание. Наблюдая, как его грудь то сильно, то временами слабо вздымалась, Шике задержал собственное дыхание.

Накануне вечером несколько резервных сил, оставшихся в пределах городских стен Таурии, устроили засаду на армию Мефиуса, которая внезапно пересекла границу. Естественно, к ним добавился отряд наемников Орбы. Более того, по решению Боувана им была доверена

важнейшая стратегическая позиция.

Подразделение Орбы великолепно выполнило свою миссию. Застав вражеские отряды внезапной атакой из засады врасплох и уничтожив их, они направились к основной армии противника, которая шла по пятам за «бегущими» силами Боувана, и атаковали их с фланга.

Это произошло после того, как они выиграли тяжелую битву, и казалось, что армия Мефиуса наконец отброшена.

В этот момент в Орбу выстрелил вражеский солдат, спрятавшийся среди трупов. Пуля практически целиком задела лишь его маску, а его голова не получила прямого попадания, но удар был очень сильным, и Орба упал без сознания с лошади.

Левая сторона его маски треснула. Но в данной ситуации оставшаяся половина была большей проблемой. Бесчисленные трещины, проходящие через маску, впитались в его лоб и даже сейчас заставляли его непрерывно кровоточить.

- Черт, - простонал Гиллиам, бегая рядом с тележкой. - Он был в хорошей форме, даже когда победил Гарду, а теперь ты говоришь, что он будет убит Мефийцем, таким же, как и мы?

- Он не умрет! - закричал Шике. По сравнению с его обычным «я», сейчас его лицо казалось похожим на лицо совершенно другого человека. - Он... в такой момент... Он не умрет. Он намного больше...

- Ага, да. Правильно. Вот так. Мы - гладиаторы, пережившие ад. Мы снова и снова ускользаем от смерти. Особенно этот парень. Наверняка он просто притворится, что его нет, или что-то в этом роде.

Раненых вынесли во двор казармы. Командиры или те, кто имел в родственниках таурийских аристократов, были доставлены в эксклюзивные медицинские учреждения, а обычных солдат отправили в простые палатки, установленные во дворе. Сбежались темнокожие врачи в белых мантиях, указывающих на их статус, которые тут же окрашивались кровью.

Солдаты, которых не смогли поместить в палатках, положили на циновках во дворе.

- Сюда.

Несколько солдат подбежали к тому месту, где Орбу вытащили из тележки, и собирались положить его на носилки. По всей видимости, они получили приказ из уважения к герою сделать исключение и отнести его в медпункт. Однако:

- Подождите, - резко остановила их Шике. - Дайте ему немного отдохнуть. Он совсем измучился. Орба, тебе нужна вода?

Он предложил свою флягу Орбе, которая лежала на земле. Поскольку сознание Орбы все еще оставалось туманным, реакции не последовало. Шике капнул немного воды на пересохшие губы.

- Эй, лучше поторопиться, - подгонял Гиллиам сзади, но Шике почему-то не хотел вставать. Он схватил Орбу за руку, словно пытаясь подарить ему хоть немного собственного тепла. Хотя, с одной стороны, он и выглядел как мать, что беспокоится о его здоровье, однако на самом деле Шике волновало другое.

Для лечения необходимо будет снять маску.

И, естественно, это означало, что лицо Орбы будет открыто для всеобщего обозрения.

Как и в предыдущих воспоминаниях горожан, многие жители Таурии видели лицо Ги́ла Мефиуса

Он не знал, сколько из них запомнило его, увидев лицо только один раз, и то, всего лишь в течение нескольких секунд. Что случится, если найдется хотя бы один скрупулезно запомнивший неприкрытое лицо Орбы человек?

Черт возьми.

Позади него Гиллиам еще раз спросил, что он делает. И, конечно, Шике тоже хотелось поторопиться. Он хотел, чтобы его вылечили как можно скорее.

Если уж на то пошло, даже если это смехотворное объяснение, я просто должен сказать, что это случай, когда разные люди во многом похожи.

Поскольку он был так сильно похож на наследного принца, это привело к разного рода бедствиям, из-за чего, в конце концов, он оказался вынужден надеть маску и сбежать от Мефиуса ... Другой альтернативы он не видел.

В тот момент, когда Шике, наконец, собирался встать, нежданный человек шагнул во двор, полный раненых.

Э-это... В тот момент, когда он увидел, кто это, Шике сглотнул и встал, чтобы оказаться между этим человеком и Орбой. «Она» как раз была одной из тех, кто хорошо знал настоящее лицо Ги́ла.

- П-принцесса. Как это возможно. Почему принцесса в таком месте, как...

- Вы говорили, что вас зовут Шике, не так ли?

Это была Эсмена Базган собственной персоной.

Дочь лорда Акса Базгана Эсмена сложила руки за талию, а ее поведение оставалось совершенно спокойным. Тем не менее ее глаза горели решительным светом.

Солдаты тоже заметили ее и быстро остановились. Даже среди раненых нашлись те, кто пытался заставить себя встать и поклониться ей. Эсмена подняла руку, останавливая их.

- Всем, пожалуйста, расслабьтесь, - мягко сказала она. - Вы - смельчаки, защитившие Таурию. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы вы хорошо отдохнули.

Хотя она говорила весело, лицо Эсмены выглядело бледным. Ведь здесь находились солдаты, потерявшие глаз, полуобнаженные солдаты, получившие пулю, у которых виднелись опухшие и искривленные сухожилия. Солдаты, у которых оказались отрезаны пальцы или уши. Для Эсмены, которая впервые увидела нечто подобное, это, скорее, было похоже на сцену из самого ада.

Для придворной дамы не было бы ничего удивительного, если бы она упала в обморок от одного этого вида, но...

- Шике, - она подошла к наемнику из Мефиуса, - я слышала, что Орба здесь.

- А?

- Я слышала, что героя принесли сюда. Где он теперь...

Поскольку он не думал, что принцесса Таурии лично приедет повидать Орбу, Шике на мгновение оказался ошеломлен.

Во время разговора Эсмена увидела Орбу через плечо Шике. И тут же на мгновение потеряла дар речи. Когда Шике заметил это, он изменил свое положение, чтобы загораживать ее поле зрения, но...

- Кто-нибудь. Здесь есть кто-нибудь? - крикнула Эсмена неожиданно громким голосом. Солдаты, которые собирались унести Орбу, бросились к ней.

- Как долго вы собираетесь оставлять этого джентльмена лежать на земле? Поторопитесь и занесите его внутрь.

- Н-немедленно. По приказу генерала Боувана мы собирались унести капитана Орбу.

- Это великий герой, спасший запад. Можно сказать, его заботы - заботы страны. Пожалуйста, переместите его в отдельное крыло замка. Я позвоню одному из придворных врачей.

- П-принцесса.

Что необычно для Шике, он оказался так ошеломлен, что ничего не мог сказать. Хотя, с одной стороны, он чувствовал, что это выглядело самым безопасным для здоровья Орбы, с другой стороны, было бы опасно позволить принцессе, которая так хорошо знала лицо Гила, приблизиться к нему.

- Мы также не должны показывать его лицо слишком большому количеству людей, - решительно сказала Эсмена. Шике теперь опешил по другой причине. - Таурия не настолько неблагодарна, чтобы игнорировать желания героя и разоблачать то, что он спрятал. А теперь, Шике, пожалуйста, помогите.

Сказав это, она слегка опустила веко. В каком-то смысле это удивило Шике больше всего на свете.

Не говорите мне, - мелькнула в его голове мысль, - не говорите мне, что принцесса знает об Орбе и Гиле?

Эсмену похищал Гарда, и тем, кто ее спас, был никто иной, как Орба. Вероятно, чтобы отблагодарить его, она пригласила Орбу в свои покои после возвращения в Таурию. Что между ними произошло в то время?

Разум Шике находился в смятении из-за множества вещей, но, в любом случае, было очевидно, что лицо Орбы не могло быть открыто для большого количества людей.

Он сопровождал тех, кто нес Орбу на носилках. Гиллиам издали наблюдал, как их фигуры покинули задний двор и исчезли в коридоре, ведущем к замку.

Наемники из того же подразделения прибыли с опозданием. Когда они узнали, что их капитан, по всей видимости, будет лечиться в замке, они почувствовали облегчение. Но:

- Празднование победы... Мне это не очень нравится, - сказал Талькот.

- Нет, я собираюсь выпить весь ликер, который нам предлагают, - сказал Гиллиам, встряхнув бороду. - Зная себя, я не могу спокойно сидеть и беспокоиться о друге в таком состоянии.

- Есть такое.

Талькот энергично взмахнул левой рукой. Похоже, он получил удар топором по нарукавнику, и она все еще была онемевшей.

- Мефиус обязательно вернется, не так ли?

- Наверное.

- Казалось бы, мы легко можем продолжить наш наемнический бизнес, хоть наш противник - это Мефиус. Однако это означает, что, даже если не считать травмы, капитану будет действительно тяжело.

Несмотря на то, что он был молод, Талькот стал по-мирски мудрым, переключаясь с одного на другое - от пирата до кочевника и наемника. Его слова наполовину звучали как предсказание, и даже Гиллиам не мог не почувствовать легкую тревогу.

Прибыв в пристройку к замку, Эсмена на мгновение вышла из комнаты и заставила своих служанок вызвать врача, с которым она была знакома. Принцесса знала его очень давно, и он считался предыдущим старшим управляющим придворных врачей. В данный момент он находился уже в преклонном возрасте, но в хирургии оставался уверен. Его звали Файсал.

Естественно, Эсмена выбрала его из-за доверия к его характеру и таланту, но имелась еще одна важная причина. Раньше, когда Гил Мефиус приезжал в Таурию в качестве посланника доброй воли, сам Файсал был болен и лежал в постели. Эсмена запомнила это потому, что после того, как банкет для Гиля закончился, она лично нанесла ему прощальный визит. Другими словами, Файсал не знал лица Гиля.

Хотя было раннее утро, Файсал с готовностью согласился на просьбу Эсмены.

- О, наша крошечная маленькая принцесса сама вызвала меня?

Надо сказать, что Эсмену воспитывали с чрезмерной опекой. Так что с детства, всякий раз, когда она простужалась или падала на улице, Акс призывал Файсала. Несмотря ни на что, даже если в этот момент была глубокая ночь, осматривал ли он других пациентов, его вызывали в любое время.

Он был врачом, которому перевалило уже за шестьдесят. Но он все еще оставался бодрым. Он также являлся давним соратником Равана Дола, травмы которого он в настоящее время лечит.

Ведомый солдатом, он вошел в комнату, где лежал Орба.

И стал свидетелем странной сцены.

Мужчина, похожий на женщину, почти полностью завалился на лежавшего пациента. Похоже, он воспользовался суматохой, чтобы лишить раненого всего его имущества.

- Что ты делаешь! - Файсал крикнул, но другой не подал вида, что оказался удивлен. Его лицо

блестело от пота, он, казалось, наматывал свежие бинты на верхнюю часть тела раненого.

– Я займусь им с этого момента. Любители могут отступить. – На первый взгляд Файсал был мягким человеком, но, когда дело касалось медицинских вопросов, он становился столь же властным, как генерал.

– Не подходи! – Мужчина, похожий на женщину – естественно, им являлся Шике – крикнул ему в ответ.

Доктор задавался вопросом, потерял ли этот человек рассудок, но глаза, которые смотрели на него в ответ, светились неожиданно интеллектуальным светом, и Файсал остановился с видимым удивления.

Шике закончил наматывать бинты и спокойно уложил Орбу. Глядя на него, повязка была полностью намотана вокруг него от груди до живота.

Шике спрыгнул с кровати и подошел к Файсалу.

– Это что-то вроде мефийских чар, – объяснил он совершенно другим тоном. – Кто-то, кто находится рядом с раненым и искренне заботится о нём, наматывает на него повязку. Ах, это не обязательно должно быть там, где он действительно оказался ранен. Пока он не проснется, пожалуйста, не снимайте их без его разрешения. Или вы погибните из-за проклятия.

В тот момент его лицо выражало сдержанную ярость. Вместо «проклятия», этот человек сам может направить против тебя клинок со смертельным намерением, если ты нарушишь данное ему слово.

Файсал какое-то время смотрел на подобное выражение лица Шике.

– Я понял, – он почесал в затылке и согласился. – Я ненавижу ворчание жены так же сильно, как проклятия и колдовство.

Шике поклонился, как бы давая понять, что все остальное он доверил ему, и вышел из комнаты. Повязки были наложены, чтобы скрыть клеймо раба на спине Орбы. Люди в Таурии знали, что Орба является бывшим рабом-гладиатором, но кто знал, что будет дальше. Он готовился к ситуации, в которой станет известно, что Орба – это Гил Мефиус.

Шике верил, что сделал все, что мог. Он не верил ни в одного бога, которому поклонялись в этом мире, поэтому не молился. С этого момента он мог делать ставку только на удачу и жизненную силу Орбы.

Когда он прислонился к стене, ему казалось, что он слышит крики своего тела, которое оказалось перенапряжено с прошлого вечера.

Он будет убит такими же мефийцами, как мы?

Слова, которые Гиллиам пробормотал ранее, всплыли в его голове.

Мефийцы? Верно, мы ведь тоже мефийцы, а?

Гиллиам, вероятно, раньше не задумывался о том, что он мефиец. Но, переехав на запад, он не мог не осознавать разницу в национальности. То же самое и с Шике.

Орба... тоже мефиец. Этого нельзя отрицать.

Солнце собиралось взойти. Когда он шел по коридору, ведущему от пристройки к замку во двор, сбоку дул теплый ветер.

Он посмотрел на голубое небо. Там, по ту сторону границы, которую он не мог видеть, находится Мефиус. Мефиус, который является их нынешним врагом и в тоже время их родиной.

Часть 2

В том самом Мефиусе, в Апте, а если быть точным, в её самой западной части, несмотря на ранний час, собралась большая толпа. Как и у жителей Таурии, их лица были наполнены тревогой и трепетом. Рёва артиллерийского огня, разразившегося на рассвете, оказалось более чем достаточно, чтобы нарушить их спокойный сон.

После того, как солнце полностью взошло, войска под предводительством Набарла вернулись.

В отличие от Таурии, это не было «триумфальным возвращением». Доспехи всадников казались тяжелыми. Повсюду мелькали фигуры раненых. Как ни крути, они выглядели изрядно потрепанной, разбитой группой из побежденной армии.

Неустранимая усталость и унижение также застыли на лице Набарла Метти, который ехал первым, но, как главнокомандующий, он принял позу настолько гордую, на которую только был способен. Однако это произошло только после того, как он прошел через ворота, ведущие в город.

Он скакал верхом на лошади в неудобной позе вплоть до того момента, пока они не перешли реку Юнос, не обращая внимания ни на что, кроме своего побега. Пашир прижимался к нему сзади, положение, которое он был вынужден принять, чтобы защитить спину Набарла и которое только еще больше разоблачило постыдное поведение генерала.

Набарл являлся полководцем, гордившимся своими многочисленными военными достижениями. Перед отъездом на фронт он считал, что этот бой невозможно проиграть. Они получили информацию, что в Таурии осталось очень мало войск. Тактика, которую он выбрал, заключалась в том, что, как только он сам соберет оставшиеся силы Таурии к границе, отдельные части войска Набарла внезапно атакуют столицу Таурии с тыла.

Даже если по какой-то случайности его восприятие окажется неверным, на это уйдет лишь немного больше времени, поражение было немислимо.

По сути, Набарл считал, что у него девяносто процентов шансов на победу на поле боя, но затем ситуация резко изменилась. В клешни взяли не Таурию, а основную часть войск Набарла. Отряд Даррена, вероятнее всего, был уничтожен. Цезаря, который исполнял обязанности заместителя командующего войсками Набарла, также не видно.

Это было сокрушительное поражение.

За эти несколько часов пухлые щеки Набарла Метти, которые обычно дрожали, когда он ехал верхом, казалось, полностью впали. Но даже в этом случае, когда он ехал по улицам Апты, его лицо оставалось невыразительным до самого конца. Когда он спрыгнул с лошади, его поведение оставалось таким, как будто он только что совершил долгую поездку или что-то вроде этого. Затем, передав уздечку слугам и не обращая никакого внимания на приветствующие его голоса, он большими шагами вернулся в самую высокую комнату в замке

Апта - комнату, в которой когда-то останавливался принц Гил.

Как только он закрыл за собой дверь, Набарл взбесился. Он сбил вазу, выставленную у входа, вытащил свой меч, прорезал стол и стулья, а затем отбросил осколки изо всех сил. К тому времени, как Роуг и Одайн поспешили к нему, узнав о возвращении Набарла, не осталось ни единого целого стула, чтобы предложить им сесть.

Когда ему сообщили о визите двух генералов, Набарлу очень хотелось закричать, но к тому времени он уже немного успокоился и, тяжело дыша, приказал камергерам быстро убрать комнату. Из свободной комнаты вынесли длинный стол, а сверху разложили карту окрестностей Апты, как если бы он внимательно изучал стратегии.

Получив разрешение Набарла, Роуг Сайан - генерал дивизии «Крылья зари» и Одайн Лорго - генерал дивизии «Серебряных Топоров» - вошли в комнату.

Они прибыли в Апту, получив приказ завоевать Таурию. Однако, поскольку Набарл был озабочен тем, чтобы «сделать это своими солдатами в одиночку», они остались в Апте, чтобы удерживать линию обороны. Хотя ни один из двух генералов не был в восторге от завоевания Таурии, они все же не могли скрыть своего удивленного выражения лица от того, что Набарл вернулся полностью разгромленный.

- Неужели у Таурии такое количество солдат?

- Примерно вдвое больше. Ах... нет, больше, чем ожидалось, но не... не так уж много ... - запинаясь, произнес Набарл. Ему было стыдно, что он потерпел поражение от небольшого вооруженного отряда. Но если бы он сказал, что количество солдат превзошло его ожидания, это также сделало бы его собственное понимание ситуации, на котором он основывал свою стратегию, слишком поверхностным. В довершение всего, перед выходом на поле боя Набарл с большим достоинством заявил, что эта стратегия «разработана вместе с Его Императорским Величеством».

Роугу Сайану внезапно стало жаль этого человека.

- Война - живое существо. Независимо от того, насколько тщательно продумана стратегия, ситуация может измениться в мгновение ока. Кроме того, это также вопрос удачи. Похоже, на этот раз удача находилась на стороне Таурии.

Он говорил сочувственно, но его манеры произвели противоположный эффект и только разожгли пламя гнева Набарла.

- Нет! - Набарл внезапно повысил голос и стукнул мясистым кулаком по столу. - Я не бог, и я мог бы смириться с этим, если бы это оказалось моей судьбой, но это не тот вопрос, который можно решить несколькими словами об удаче. Это было гнусное предательство!

- Предательство?

- Да, принцесса Гарберы, Вилина Ауэр. Эта проклятая женщина предала нас ради Таурии.

- Невозможно! - Оба генерала одновременно закричали. Поскольку упомянутое имя прозвучало настолько неожиданно, они заподозрили, что шок поражения, возможно, заставил человека перед ними потерять рассудок.

Они оказались правы более чем наполовину.

Хотя это правда, что принцесса выдала секретную информацию, когда он услышал об этом, Набарл не поверил, что это изменит военную ситуацию. Скорее, он наоборот считал это удобным, поскольку информация, принесенная Вилиной, помимо того, что несомненно привлечет врага к границе, так еще и рассердит его.

Но Набарл нуждался в хорошем предлоге, чтобы оправиться от потрясения и тяжелого удара от проигранного сражения. Хотя он часто бывал на передовой, он не привык к должности главнокомандующего и не мог нести всю тяжесть ответственности за поражение.

Разглашение Вилины секретной информации представлялось для Набарла идеальной деталью. Эта проклятая гадюка... Ее определенно послали из Гарберы, чтобы вонзить свои ядовитые клыки в Мефиус.

В то время, как он рассказывал Роугу и Одаину о сцене, в которой она изображала из себя своего рода героя и надменно приказала ему «разбить лагерь», Набарл даже сам в глубине души начал верить, что его слова действительно правдивы.

Одайн позвал одного из своих людей, которого он оставил наготове за дверью, и попросил его проверить, находится ли в настоящее время принцесса в замке. Ответ последовал незамедлительно. Со вчерашнего вечера горничная принцессы подняла шум, так как принцесса не вернулась.

- Почему ты не предупредил меня сразу?

- П-потому что, в конце концов, вот-вот начнется война ... Мои глубочайшие извинения.

Одайн прищелкнул языком. Он обменялся взглядами со старым генералом Роугом, стоящим рядом с ним. Казалось, каждый ожидал увидеть свои эмоции в выражении лица другого. И это ожидание не было ошибочным.

Принцесса приняла меры.

Дело не в том, что Роуг или Одайн имели особенно глубокую связь с принцессой Вилиной, но они также не верили, как и Набарл, что она является «просто маленькой девочкой с пустой головой». Конечно, она должна была понимать, какими будут последствия ее действий - для Мефиуса, для Запада, а также для ее родной страны Гарберы.

- Нет смысла больше говорить об измене принцессы, - сказал Набарл, хотя он сам продолжал говорить о ней, казалось, безостановочно, а затем немедленно приступил к реорганизации войск, так как был полон решимости нанести второй удар по Таурии.

- Это правда, что враг устроил в нашу засаду, но даже несмотря на это, Таурия практически в наших руках. Если уж на то пошло, их сторона тоже понесла потери. Однако они будут убеждены, что отбросили нас, поэтому мы атакуем снова без промедления. На этот раз я также попрошу вас двоих о помощи.

Глядя в глаза двум генералам, он сказал это почти наполовину угрожающе.

Однако оба решительно возражали. Набарл еще не остыл от волнений войны. Если они позволят себе снова вступить в бой с врагом, высока вероятность, что они получат еще одно поражение.

- Вы потеряли самообладание? - Набарл сердито посмотрел на них.

– Ситуация изменилась с того момента, когда вы получили приказ Его Величества. Прежде всего, отправьте гонца в Солон. Или вы говорите, что приказ Его Величества состоял в том, чтобы вести войну на истребление независимо от того, сколько раз нас отбросят назад? – сказал Роуг.

Набарл был напуган тем, что император обвинит его в поражении, однако так же сильно он боялся изменить приказы императора. Его психическое состояние до битвы было, аки у бесстрашного даже перед лицом богов человека, но как только его поддержка пошатнулась, эта уверенность стала хрупкой.

Поэтому он неохотно согласился со словами Роуга. Возможно, именно он потерял часть своего самообладания, но все же он не собирался снова атаковать Таурию только своими частично уничтоженными войсками.

В Солон был отправлен посланник, и, пока они ждали ответа, на этот раз он попросил Роуга и Одайну о сотрудничестве в укреплении линии защиты Апты. На данный момент Таурия не двигалась. Похоже, ни атака, ни вестник не приближались, и все, что у них имелось, это информация о том, что их подкрепление быстро набирает силу.

Изо дня в день нетерпение Набарла росло.

Роуг Сайан также получил подробный отчет от солдата, дежурившего на дозоре. Были замечены некие движения, которые, казалось, указывали на то, что весь запад объединился против Мефиуса. Если все было так, то, как только кто-то из них вновь пересечет границу, это может перерасти в крупномасштабную войну. Даже императору Гулу Мефиусу нелегко будет решиться на сей шаг, но...

Император, каким он является сейчас, может попытаться силой заставить запад подчиниться.

Когда он решил захватить Таурию, у Гула Мефиуса не было для этого никаких оснований. Он слышал от Набарла, что это произошло потому, что наследный принц Гил якобы убит подчиненными Таурии, но даже так называемая фракция императора, к которой, как он подозревал, теперь принадлежал Набарл, вряд ли поверила, что это правда.

Если Его Величество отдаст приказ атаковать еще раз... Сомнения по поводу того, что он должен сделать, закружились в груди Роуга.

Если бы его приказ означал величественно сражаться против ненавистного врага и умереть, даже сейчас Роуг не покачал бы головой и не отказался бы. До тех пор, пока он мог написать хоть одно письмо своей семье, этого было бы, чтобы он ни о чем не жалел. Облаченный в доспехи, которые передавались из поколения в поколение его предками, он с радостью бы отправился на поле последней битвы с мечом в руке.

Но Роуг не злился на запад. Кроме того, принц Гил выбрал дружбу с этой землей. Даже если это будет приказом его господина, сможет ли он загнать своих людей в бой, лишенный всякой праведности, и приказать им умереть?

Даже в его возрасте сомнения не оставляют человека.

Не проходило и дня, чтобы на лбу Роуга не появлялись складки, не исчезающие даже во время дневных тренировок.

Судя по тому, что он слышал, чувства жителей Апты разделились на два лагеря. Даже в этой крепости, которая была связана с Принцем, раздавались голоса, яростно кричащие, что им нужно уничтожить Таурию и отомстить за Принца, а также такие, которые спокойно упрекали их, говоря, что, должно быть, произошла какая-то ошибка, поскольку не так давно к ним приезжал посланник дружбы прямо от Таурии.

Если люди Таурии помнили принца Ги́ла, то жители Апты помнили, что видели принцессу Эсмену.

К тому же существовал практический вопрос: если война разразится снова, Апта может стать полем битвы. Крепость была разбомблена самим принцем Ги́лом, чтобы отразить тотальную атаку, и, когда ее полная реконструкция, наконец, почти не за горами, люди снова оказались глубоко обеспокоены.

По мере того, как эти разговоры доходили до его ушей, колебания Роуга становились все сильнее.

Однако он оставался прирожденным воином. Отдельно от его личных убеждений или его забот о настроении людей присутствовала та его часть, которая тщательно исследовала текущую ситуацию. Если нельзя будет избежать обмена боевыми действиями, то как им воевать?

Роуг уже слышал подробности битвы от Пашира, солдата, который участвовал в ней вместе с Набарлом. Раньше он состоял в Имперской гвардии, но, поскольку Набарл хотел, чтобы его навыки, позволившие ему занять второе место в гладиаторском турнире, помогли ему или же, возможно, чтобы его собственный отряд выглядел лучше, он насильно включил Пашира в свои войска.

По его словам, Набарлу не удалось прорваться в центр врага не из-за недостатка тактики. Он предпринял попытку внезапной атаки, смело продвигая своих солдат через вершины Бельганы, которые можно назвать естественной цитаделью - дерзкий метод, который возраст Роуга не позволил бы ему рассмотреть. Несомненно, Набарл тщательно исследовал местность перед походом. Это точно не обычный план, и он был скорпугебно подготовлен.

Тем не менее, несмотря на это, Таурия отбросила войска Набарла лишь с помощью небольшой армии.

Даже если бы у них имелось географическое преимущество и информация, полученная от принцессы Гарберы, я не думаю, что это вся причина.

Принцесса. Верно, принцесса, хмм?..

Независимо от его убежденности в том, что должен сосредоточиться сейчас именно на войне, сомнения в груди старого генерала не утихали. Каждый раз, когда он думал о действиях принцессы Гарберы и продолжал беспокоиться о ее местонахождении, Роуг производил впечатление обеспокоенного человека, а его щеки непроизвольно напрягались.

В то же время...

Хоть он и потерпел поражение, главнокомандующим в Апте по-прежнему оставался Набарл Метти. Ни Роуг, ни Одайн не могли передислоцировать ни одного солдата без его разрешения. Эти двое приставали к нему, чтобы он организовал отряд, отдельный от оборонительного

формирования.

Поисковый отряд принцессы.

После битвы с Таурией ее местонахождение оставалось неизвестным.

- Хммм, - безразлично фыркнул Набарл.

Похоже, Роуг и Одайн все еще не верили, что принцесса вела себя так, как он рассказывал, но Набарл своими глазами видел ее, будучи направляющейся в сторону Таурии, и слышал те слова, что она сказала перед отбытием. Он также лично был свидетелем того, как она создавала беспорядки на поле боя с помощью дирижабля.

- Она пропала? Должно быть она вернулась в Таурию. Наверняка, сейчас она разыгрывает роль героини, будто из какой-то старой сказки, и раздувает моральный дух таурийцев, распространяя клевету на Мефиус.

Набарл выглядел совершенно незаинтересованным в ее поисках, но тут к нему пришел неожиданный гость.

Говорили, что это посланник из Солона. Набарл побледнел, гадая, какой выговор он получит от Императора. Но, если хорошенько подумать, для этого было слишком рано, чтобы являться реакцией на известие о его поражении.

Более того, внешность посетителя казалась ненормальной. Возможно, он являлся последователем Бадейна, так как его голову покрывала ткань, из-за которой достаточно трудно было различить черты его лица. В любом случае, его нельзя было сразу же связать с Гулом Мефиусом, который, как говорили, хотел сделать веру в богов драконов государственной религией, но то, что тот протянул в руке, несомненно, являлось письмом с подписью императора Мефиуса.

Набарл почувствовал себя загнанным в угол, будучи в состоянии крайнего волнения, но посетитель имел совсем другую цель.

- Принцесса Гарбера?

- Точно, - сказал мужчина ржавым голосом, из-за чего было трудно понять, молод он или нет. - Его Величество разрешил ей отправиться в район Недайн, но она неожиданно и без разрешения взяла один из авиаперевозчиков нашей страны и направилась в сторону Апты. Даже для гостя ее своеобразие заходит слишком далеко. Принцессе не будет позволено больше свободы и мой долг сопроводить ее обратно в Солон.

- Н-но принцесса...

- Я знаю. Так что, пожалуйста, одолжите мне солдат. Мы отправляемся на ее поиски.

Человек, представившийся Кириллом, даже не дрогнул, когда ответил. Принцесса выдала секретную информацию вражеской стране и, кроме того, пропала без вести на вражеской территории, а говорил он, словно эта ситуация была совершенно обыденной.

- Т-ты будешь?

- Будет удобнее, если я лично буду её искать.

Пальцы Кирилла раздвинули ткань, которая висела по обе стороны его лица. Набарл почти грубо ахнул, ведь то, что предстало его взору, оказалось лицом зердианца. Он чувствовал себя так, как будто его обманула лисица, изменяющая форму. Но, если поразмыслить об этом, старейшины, с которыми Император недавно сблизился, все без исключения являются зердианцами.

Похоже, он привел с собой еще около тридцати других зердианцев. Можно было бы подумать, что этого будет более чем достаточно для поисковой группы, но, как он и сказал ...

- Мы будем искать вдоль границы. Так что есть шанс, что на нас нападет враг.

Все это время Набарл словно воды в рот набрал.

Даже увидев лицо Кирилла, он не мог с уверенностью сказать по его чертам, молод тот или стар. Пространство между глазами выглядело пухлым, но щеки оставались такими впалыми, точно их соскребли ножом. Хотя он не был особенно высоким, его руки, раскинувшиеся на столе, выглядели на удивление длинными.

Набарл почувствовал, что этот разговор действительно странный, но в конце концов к Кириллу присоединилось около двадцати солдат. Это небольшая цена, если это означает, что Роуг и Одайн перестанут приставать к нему.

Но я не понимаю...

Услышав, что они тут же немедленно покинули Апту, Набарл внимательно изучил переданное Кириллом письмо. В нем стояло имя императрицы Мелиссы. Оказалось, что это она вела переговоры напрямую со старейшинами об отправке такого большого количества людей.

«Я даже не думал, что Императрица так сильно недовольна девушкой из Гарберы. Хм, ну это неважно, как бы там ни было.»

Если бы о проступке принцессы стало известно, психологическая рана Набарла от проигрыша битвы несколько зажила бы, а его репутация также восстановилась бы. И, что важнее всего, если бы он мог умело выдвинуть этот аргумент против Гарберы во время их обсуждения, император, несомненно, вспомнил бы о нем в более благосклонном свете.

Таковы были мысли Набарла, но даже после того, как поисковая группа уехала, его нетерпение нисколько не исчезло. И для этого оставалась причина.

Одной решенной проблемы с принцессой недостаточно.

Проще говоря, он чувствовал, что нужно больше, чтобы скрыть свою неудачу.

Из того, кто нанимал наемников, Набарл добился поразительного успеха, будучи избранным в число двенадцати генералов. Но это произошло просто потому, что император пожелал этого. Другими словами, он был напуган тем, что на этот раз, не более чем по единственной прихоти, его положение может упасть ниже земли. Ему казалось, что он поднялся только на полпути к небу и теперь испытывал сильное желание найти хотя бы еще один аргумент, чтобы избежать ответственности.

- Как насчет Имперской гвардии?

Тот, кто почувствовал беспокойство Набарла и прошептал ему это, был один из его давних слуг

по имени Гарет. Он был как младший брат Даррену, вице-капитану, погибшему в бою на вершинах Бельганы.

– Что? Императорская гвардия?

– Те бывшие рабы, которых специально отобрал принц. Есть подозрения, что они знают правду о смерти принца, и поэтому они возложили преступление на генерала Оубэри Билана.

На мгновение Набарл оказался удивлен горячностью тона Гарета, но, разумеется, для императора Гула показания имперской гвардии являлись препятствием для его утверждения о том, что принца убил запад. Из-за этого он приказал Набарлу на время ограничить их свободу.

– Похоже, у них тоже имелась связь с принцессой. Разве это невозможно, что, оставаясь в Мефиусе, они передавали Таурии секретную информацию?

– Это вполне может быть так... – Набарл торжественно кивнул. В такой ситуации, можно сказать, Гарет играл ту же роль, что и Колин Исфан по отношению к императору Гулу. Проницательно читая эмоции тех, кто выше его, он подходил к ним и убедительно высказал подобные мысли, словно от их имени.

– Если бы не это, такое полное поражение было бы просто невозможно.

– В самом деле. И если информация все еще просачивается, это начнет сказываться на моральном духе. Некоторых из гвардейцев придется заставить говорить правду после того, как они будут доставлены Его Величеству, но ему все равно, если мы используем несколько из них в качестве примера.

– Хм, – скрестил мясистые руки Набарл. Хотя ночи в Апте ощущались прохладнее, чем в Солоне, в середине дня бывало достаточно жарко. Пот тек со лба и стекал по его пухлым щекам.

Как и сказал Гарет, казнить бывших имперских гвардейцев как предателей звучало действительно неплохо. Так же, как и он, его люди понесли моральный удар от своего поражения, и, если они припишут свое бессилие к кому-то другому, они смогут восстановить свой моральный дух. Половина отряда Набарла состояла из других отрядов наемников, но другая половина его товарищами, с которыми он обедал из одного котла с тех пор, как сам был капитаном наемников. Теперь, когда он стал одним из двенадцати генералов, он почувствовал, что хочет дать им немного удачи.

В таком случае ему нужно вернуть им былой настрой. С этого момента, независимо от того, какое подкрепление прибудет из Солона, безусловно, именно войска Набарла Метти должны победить Таурию.

Тем не менее...

Время казни немного отстало. С момента их поражения прошло уже семь дней. Ему нужно придумать какое-то оправдание. Через мгновение Набарл разжал руки.

– Если я правильно помню, среди Имперской гвардии есть женщина.

– А? Ах, ээ ... та, которая, как говорят, отвечает за заботу о драконах.

– Да. Эта женщина... Она определенно с запада, верно?

Блеск нетерпения несколько погас в глазах Набарла, а на его месте вспыхнул огонь жестокости.

Около двадцати бывших имперских гвардейцев были заключены в большую камеру под казармами. Говен и Хоу Ран, а также командир отряда дирижаблей Нил Томпсон, Мигель Тес, сражавшийся против Орбы во время гладиаторского турнира и Крау, которой принц поручил руководить кораблями, находились здесь. Сюда же доставили Пашира, который вместе с Набарлом сражался против Таурии.

Он никогда не считался разговорчивым человеком, но с тех пор, как вернулся, почти не открывал рта. Раздраженный тем, что его заперли, практически сорвался на Мигеле, который хотел услышать его военные истории, но получил холодный ответ, что почти переросло в драку между ними.

Тем, кто отгородил их от драки, стал Говен, но по прошествии времени ничего не происходило, и его глаза иногда встречались с глазами Пашира. Поскольку казалось, что эти глаза пытались привлечь его внимание, Говен собирался приблизиться к нему, когда тот резко перевел взгляд.

Это было непохоже на человека, чей разум и тело точно сталь, иметь такое нерешительное выражение лица.

Он ведь не думает о побеге?

Но и Говен не стал исключением, и в этой ситуации, когда он не знал, что будет дальше, его раздражение также нарастало.

Поскольку император объявил, что убийство принца Гиля совершено агентами Таурии, он имел некоторое представление о том, как с ними будут поступать. Может быть, пора было отказаться от Мефиуса и серьезно разработать план побега.

Именно тогда в зале появились солдаты под командованием Набарла. Думая, что пришло ли время их казни, он собирался занять позицию наготове, когда в этот момент позвали Хоу Ран.

- Что ты хочешь от нее? - спросил Говен, приемный отец Ран.

- Драконы не успокаиваются, - грубо объяснил солдат. - Когда мы спросили других укладчиков драконов, они сказали, что те слушают только приказы этой женщины. Так что мы отпускаем её ненадолго. Но только для того, чтобы она позаботилась о драконах, вам же не дают никакой свободы.

Ран не перебивала. По натуре она являлась девушкой, которая большую часть времени проводила с драконами. Она не стала возражать.

- Ран, - Говен многозначительно взглянул на нее, чтобы предупредить, - не думай о странных мыслях. Иди с ними пока спокойно.

Хотя она оставалась девушкой, выражение лица которой не сильно изменилось, Говен научился понимать, о чем она думает. Они слышали новости о том, что принцесса Вилина пропала после того, как их заточили в тюрьму, и отношение Ран показало, что она этим обеспокоена.

Слабо улыбнувшись, Ран похлопала Говена по плечу, как бы говоря «я знаю», а затем солдаты вывели его из комнаты.

Через несколько минут Ран под присмотром солдат начала ухаживать за драконами. Среди них находились не только драконы из Апты, но и те, которых генерал Сайан отправил на корабле из Недайна. Другими словами, это были ее старые «знакомые».

Солдаты не могли скрыть своего удивления, когда она без посторонней помощи прыгнула в клетку, коснулась чешуи драконов и повела этих могучих существ, сидя прямо на них.

Но это только сначала.

- Кажется, ты действительно привыкла обращаться с драконами. Людей ты тоже приручаешь?

-Я слышал, ты также заботилась о рабах-мечниках.

- Не хочешь ли ты присмотреть и за нами тоже? Мы можем быть такими же грубыми, как и драконы.

Каждый из солдат непристойно повысил голос.

Ран, однако, проигнорировала их - точнее, она продолжала работать, как будто их слова даже не достигли ее ушей. Выражение ее лица оживилось.

В конце концов солдатам это надоело, и они замолчали, но наблюдение продолжалось. Их слова закончились, но взамен в их глазах засветился свет обнаженной похоти, когда они продолжали смотреть на тело Хоу Ран.

Часть 3

Солон, имперская столица империи Мефиус.

Завершив ряд запланированных дел во время утренней аудиенции, император Гул Мефиус, защищенный лесом копий, размахиваемых одетыми в красное Имперскими гвардейцами, проехал по улицам в великолепной карете и прибыл в храм веры Бога Дракона.

В комнате глубоко внутри ждали старейшины.

Это была пустая просторная комната, за исключением длинного хрустального стола в центре. Обычно «кристалл» относится не к кристаллу, найденному на Земле, материнской планете, а к минералу, характерному для этой планеты, который просто напоминает кристалл по внешнему виду и твердости. Правда это или нет, но все же было сказано, что вся мебель в храме, как считалось, сделана из настоящего хрусталя с первоначальной планеты, который загрузили на космический корабль-мигрант.

Пламя, которое зажгли во всех углах комнаты, а также искаженные лица каждого из старейшин отражались на поверхности стола.

Почетного места не было. Между императором и старейшинами, жившими в храме, не существовало разницы в статусе. Таким образом, старейшины не вставали, чтобы поприветствовать императора, когда он вошел в комнату, и никто из них не озвучивал протяжных обращений. И все же тон Гула Мефиуса прозвучал решительно грубым.

– Это первый раз, когда ваше суждение ошибочно. Разве Таурия не должна была безропотно попасть в мои руки в течение нескольких дней? Я слышал, что сейчас там собираются солдаты со всего запада. Забудьте, теперь это займет не несколько дней, а шесть месяцев или даже целый год и будет стоить многих мефийских жизней.

Старейшины переглянулись. Пусть все они и были гораздо старше Гула лет на десять или двадцать, ни у кого не нашлось слов, чтобы ответить. Казалось, они избегают его взгляда. Гул улыбнулся с чувством мрачного удовлетворения.

– Возможно, я тоже стал опрометчивым. Я чересчур доверился в безошибочность ваших слов. Теперь нам, возможно, потребуется много времени, чтобы пересмотреть план.

– Подождите, Ваше Императорское Величество, – среди старейшин нашелся один единственный, встретивший его взгляд.

– Наши суждения не исходят из определенного знания будущего. Это просто вопрос возможностей. Бесчисленные люди, которые живут и дышат в этом мире, каждый имеет перед собой тысячу, десять тысяч путей, по которым они могут пойти. Наши суждения заключаются в сужении их до тех, которые содержатся в поле зрения одного человека. Как мы уже неоднократно говорили, именно люди приводят в движение случай, а случай приводит людей в движение.

Среди всех старших он был сравнительно молод. Однако его лицо оставалось почти невыразительным. Это было не отсутствие выражения у религиозного человека, достигшего определенного философского состояния ума, а скорее пустое выражение того, кто оставил эмоции в утробе матери при рождении.

На этот раз уже императору нечего было сказать. Однако через мгновение:

– Религия удобна. Никто лучше вас не сбивает людей с толку, – сказал он, будто вел монолог с самим собой.

Гул Мефиус изначально не являлся человеком, который придавал большое значение древним обычаям страны. Но он превратился в государственного деятеля, который пытался возродить старые, древние верования в веру Бога Дракона и уважал старомодные традиции.

Примерно три года назад он получил стимул развивать отношения со старейшинами.

В то время Мефиус находился как раз в разгаре войны с Гарберой. Более того, ни один из них двоих не видел выхода из этого конфликта, что лишь показывало все признаки затягивания противостояния.

За два года до этого Гул потерял императрицу Лану из-за болезни. Во время долгой, затяжной войны большинство солдат и офицеров, которые поддерживали его с давних времен, погибли. Люд начал шептаться, якобы Гул падает духом. Отчасти из-за этого, а также для того, чтобы поднять настроение людям, в том числе своё собственное, в мавзолее под черной башней, возвышающейся в центре Солона, Гул впервые совершил «оракул».

С мечом, настолько новым, что казалось, словно он все еще источает искры из пламени, которым был только-только закален, Гул отсек голову самой красивой женщины среди рабов. Когда кровь, а не искры, капала с него и стекала на каменный пол, он провозгласил:

«Пока передо мной не будет представлена голова короля Гарберы, я никогда не вложу свой

меч в ножны».

«Оракул» - это устная клятва, которой обмениваются император, потомок Бога-Дракона, и божественные духи его предков.

В тот же период император укрепил авторитет Императорского Дома, односторонне захватив власть у совета. С точки зрения знати, он действовал в основном по совету многих старейшин, руководивших во время церемонии «оракула».

С тех пор отношения между Гулом и старейшинами стали крепче. Год назад, примерно в то время, когда он обменялся свадебными клятвами с Мелиссой, старая клятва оказалась нарушена из-за заключения мира с Гарберой, но его доверие к старейшинам только выросло и в конце концов достигло точки, когда он построил такой большой храм в Солоне.

- Император Гул. Вы считали, что наша сила необходима для осуществления ваших давних амбиций, - бесстрастно произнес старший прямо напротив Гула.

- Ваше давнее желание - разорвать отношения между тремя странами и заявить о своем превосходстве над центром континента. Если это произойдет, ваше имя войдет в историю, как имя самого сильного императора. Война с Гарберой объявлена оконченной и ситуация в настоящее время заходит в тупик. Но, как вы знаете, в каждой стране есть тлеющие угли. Единственная ошибка может разжечь эти угли, поглощая Мефиус в пучины бушующего ада. С другой стороны, одержав серию маленьких побед одну за другой, Мефиус получит территорию, подходящую для статуса империи, и ваш суверенитет, а также учение Бога-Дракона распространятся по всему континенту.

Император пристально смотрел на старца из-под тяжеловесных век. Это не были глаза человека, смотрящего на близкого друга или вассала, которому доверяли, но при этом они не выглядели глазами человека, смотрящего на врага. Почти пустое выражение лица императора Мефиуса прилепилось к нему, как маска.

- Будь сильным, Гул Мефиус, - сказал смуглый старейшина голосом, подобным ветру, пересекающему долину.

- Чтобы наступил день вашего идеала, вы не должны забывать, что вы чувствовали. Как только вы потеряете это из виду, вы станете никем иным, как обычным стариком. Так много людей становятся такими, что их утомительно считать. Конечно, на этот раз все пошло не так, как мы предполагали, но нет необходимости волноваться и проявлять нетерпение. Пока мы здесь, течение времени всегда будет в ваших услугах. Вскоре вы определенно получите власть захватив запад и поглотите Гарберу и Энде...

После того, как Гул ушел, среди старейшин, сидящих на рядах хрустальных сидений, один внезапно чуть не упал со стула. Именно этот старейшина наставлял его.

С восклицаниями и скоростью, не соответствующей их возрасту, другие старейшины бросились к нему, демонстрируя замешательство, противоречащее их обычной отстраненности. Словно находя их неприятными, старец стряхнул протянутые к нему руки.

- Это тело приближается к своему пределу, - пробормотал он хриплым голосом. Если взглянуть на него, его тело определенно истощилось. Но его глаза светились ярким, как лисий хвост, светом.

- Скоро будет время подумать о «следующем шаге». Но всё так, как я и сказал Гулу. Время дорого. Барбарой тоже скоро придет в движение. Но перед этим, Акс Базган... Он стал чем-то вроде досадливой неприятности.

Собравшиеся вокруг него старейшины молчали. Даже в этом случае, возможно, существовало взаимопонимание, поскольку поведение старца, когда он шатко поднялся на ноги, оставалось равнодушным.

- Обычно я бы избегал прямых мер, но тут ничего не поделаешь. Мы не всегда можем держаться на расстоянии. Сообщи Тахи. Скажи ей, что даже если ей придется использовать эфир, она должна убить Акса.

- Что вы хотите, чтобы мы сделали с Гулом? - Спросил тот, кто выглядел старше старейшины.

Старец презрительно улыбнулся.

- Даже если мы позволим ему действовать самостоятельно, он будет двигаться так, как мы и предсказывали. Он больше не может убежать. Он пытается быть твердым и демонстрирует силу. Эта страсть прилипает к нему, как маска из плоти, и контролирует его тело, - заявил тот. Затем он сразу же стер свой презрительный взгляд и выражение его лица стало таким же пустым, как когда он смотрел на Гула.

- Придя к этому, наши планы на судьбу рискуют быть нарушенными. Я знаю. Вероятно, это связано с действиями другого человека. Для начала, Гул, приближающийся сейчас к Энде с целью разрушения отношений между тремя странами, является лишней переменной уравнения оригинального плана. Тем не менее, план, который мы сплели, не настолько легок, чтобы сбить его с курса из-за одного рваного шва. Это подобно «ветру». Если что-то отклоняется от курса, «ветер» немедленно поднимается и автоматически исправляет его. Это то, что называется изначальной судьбой. Никому не будет позволено разрушить ее. Пока те, кто находится в Барбарой, не пробудились, мы, как люди, должны делать все возможное, чтобы крепко держаться за этот мир.

Заметив шаги камергера, Саймон плотно закрыл ящик.

Камергер поклонился, затем вошел в комнату и, как обычно, сложил книги, которые просил Саймон, в одном из углов, прежде чем уйти.

Саймон поднял книгу сверху и листал ее, стоя, когда внезапно заметил, что в комнате стало темно. Он подошел к окну и открыл шторы. Капли дождя падали за оконное стекло одна за другой. Затем и на окно начали попадать капли.

- Битва ради мести, Гул? - пробормотал Саймон, глядя в сторону сада, покрытого туманом от дождя, затем взглянул на главный дворец, возвышавшийся над холмами за ним.

В дом никто не приходил с тех пор, как принцесса Вилина уехала полмесяца назад.

Однако новости, естественно, дошли до него. Говорят, что император Гул послал солдат в Апту и что они уже обменялись ударами с Таурией. Он не слышал никаких подробностей о войне, но, поскольку Гул пробудил настроение вассалов, говоря о «войне, как способе отомстить за

наследного принца», результаты, вероятно, оказались неутешительными. Похоже, что вторая и третья части войск, которые должны были быть отправлены в Апту, находились в середине подготовки к отправлению.

Таким образом, невозможно избежать крупномасштабной войны. И Саймона беспокоила еще одна информация.

Нет никаких известий о том, что принцесса вернулась в Солон.

Не было никаких подробностей о том, что случилось с ней после того, как она уехала в Недайн. Конечно, она планировала пробыть там неделю, но с тех пор прошло уже полмесяца. У него было плохое предчувствие.

Несмотря на это, казалось, что император отложил возвращение принцессы Вилины в ее страну потому, что с самого начала он имел в виду войну с Западом. По этой причине он сознательно не устроил похороны наследного принца. Чтобы избежать вмешательства со стороны Гарберы, императору требовалось вовремя объявить, что принц оказался убит западом.

Собираешься ли ты использовать смерть собственного сына?

Когда совет полностью прекратил свое существование, Саймон взял на себя ответственность присматривать за принцем. Поскольку уже тогда было ясно, что Гул не питает особой привязанности к Гилу, своему законному ребенку, Саймон решил научить его, как стать прекрасным преемником.

Но и это закончилось лишь наполовину.

Когда его старый друг, с которым он столкнулся на поле битвы, стоя плечом к плечу, а также смеялся, пока они вместе пили, внезапно изменился, он не знал, что делать. Также он не чувствовал, что имеет большое влияние на сына своего друга, Гила.

«Кажется мне, что я человек, который не может руководить людьми ни как друг, ни как педагог.»

Если подумать, Гул Мефиус тоже являлся человеком, который не оказался благословлен, когда дело касалось родительской заботы.

Его мать умерла, когда Гулу не исполнилось и десяти лет. На его глазах ее сожрал дракон.

Это произошло в пору охоты на драконов, в то время, когда она все еще считалась формой развлечения по всей стране, и в разгар этой охоты, в момент, когда солдаты отвели от них глаза, мать и ребенок вышли на прогулку.

Из этого постепенно возникла теория заговора. Говорили, что некий влиятельный дворянин приказал своим подчиненным искусно привести эту пару к дракону, чтобы впоследствии сделать свою дочь второй женой императора.

С точки зрения Саймона, когда он оглядывался на это сейчас, императору, то бишь отцу Гула, в то время не хватало решительности. Теория заговора никогда не опровергалась, но и этого влиятельного дворянина, чье имя всплыло, так и не обвинили - в результате страна осталась потрясена.

Поскольку его собственная жизнь находилась в опасности, в течение полугода Гул едва мог ступить за пределы императорского двора. Саймон, который служил рядом с ним с тех дней, вспомнил тогдашние слова Гула.

«Поскольку мой отец тот, кто не смог защитить мою мать, правильно будет сказать, Саймон, что это то же самое, как если бы этот человек убил мою мать лично», – яростно пробормотал он, при этом его глаза горели.

Пока Саймон вспоминал, капли дождя растеклись по оконному стеклу, и вид снаружи стал размытым. Он вернулся к столу и снова открыл ящик.

В нем лежал блестящий черный пистолет.

<http://tl.rulate.ru/book/45912/1222342>